

Научная статья
УДК 94(47).083
DOI 10.37724/RSU.2022.74.1.003

Особенности студенческих волнений и беспорядков в России в конце XIX — начале XX веков

Наталья Николаевна Юркина

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nn.yurkina@mpgu.su

Аннотация. В статье анализируются причины радикализации студенчества в конце XIX — начале XX веков, различные подходы исследователей в оценке масштабов участия молодежи в революционных событиях начала XX века, особенности обстановки в университетах накануне 1905 года, а также формы и виды протестной деятельности молодежи. Проблема студенческих волнений и беспорядков рассматривается как часть студенческой повседневной жизни университетских городов Российской империи, ее влияние на становление мировоззрения и личности многих выдающихся в последствии политических деятелей и ученых, оставивших воспоминания, было значительным. Материалы мемуарной литературы позволяют взглянуть на проблему под новым углом зрения, оценить отдельные нюансы и особенности волнений, а также понять личные мотивы отдельных участников событий начала XX века.

Ключевые слова: студенчество, учащаяся молодежь, Московский университет, общественная мысль, революционные организации, сходка, демонстрация, политическая дифференциация.

Для цитирования: Юркина Н. Н. Особенности студенческих волнений и беспорядков в России в конце XIX — начале XX веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 1 (74). С. 33–41. DOI: [10.37724/RSU.2022.74.1.003](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.74.1.003).

Original article

Student Unrest and Turmoil in Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries

Natalia N. Yurkina

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nn.yurkina@mpgu.su

Abstract. The article analyzes the underlying causes of student radicalization in the late 19th — early 20th centuries. It investigates various approaches to the assessment of young people's involvement in revolutionary events of the early 20th century and explores young people's involvement in pro-test activities. Student unrest and turmoil is viewed as a part of student life in the Russian empire and, judging by their memoirs, it produced a huge impact on the worldview of many outstanding statesmen, scholars and scientists. These memoirs throw light on the issue and enable us to assess various nuances of student unrest and to understand motivations underlying events of the early 20th century.

Keywords: studenthood, students, Moscow University, public thought, revolutionary bodies, meeting, demonstration, political differentiation.

For citation: Yurkina N. N. Student Unrest and Turmoil in Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2021; 4 (73):33–41. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2022.74.1.003](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.74.1.003).

Период XIX — начала XX веков отмечен повышенной студенческой активностью. Несмотря на то, что тема участия студентов в общественном движении неоднократно поднималась различными исследователями, ее отдельные аспекты остаются недостаточно изученными. Историография вопроса начала складываться в конце XIX — начале XX веков, когда публицисты и общественные деятели различных политических направлений стремились проанализировать

причины радикализации студенчества, требования молодежи, типы выступлений и студентов, разделяя их на участников университетских волнений и членов отдельных политических партий [см.: Гиляровский, 1931 ; Иванов, 1999 ; Революционное движение ... , 1932].

В советской историографии оформилась однозначная оценка студенческой политической активности: студенты считались передовой частью интеллигенции, выступавшей с антиправительственными лозунгами. Интересно, что эта точка зрения закрепились и в зарубежной историографии, в частности Р. Пайпс пишет: «В начале 1860-х гг. русские университеты были охвачены волнениями, и с тех пор “студенческое движение” сделалось постоянным элементом русской жизни. Протесты, стачки, обструкции и даже акты насилия против нелюбимых преподавателей и администраторов влекли за собой массовые аресты, исключения и закрытие университетов. Последние полвека своего существования старый режим находился в состоянии перманентной войны со своим студенчеством» [Пайпс]. Соответственно, сложилось и основное направление советских исследований студенчества, связанное с его участием в политических партиях, ведением пропагандистской работы, а также были подробно изучены отдельные конфликты студентов с властью [см.: Гессен, 1932 ; Гусятников, 1971 ; Иванова, 1984 ; Пешников, 1973 ; Ткаченко, 1978]. Современная историография проблемы представлена такими исследователями, как А. Е. Иванов, А. Ю. Андреев, М. Л. Бережная [см.: Ансберг, 1990 ; Иванов, 1999 ; Эймонтова, 1993] и др. Внимание современных историков направлено на изучение студентов отдельных вузов, повседневной жизни и учебной деятельности, в то время как степень включенности в общероссийские политические процессы начала XX века практически не переоценивается.

Анализ источников, опубликованных в 90-е годы XX века мемуаров деятелей консервативных и либеральных партий Российской Империи [см.: Смирнов, 1995 ; Керенский, 1993 ; Тырнова-Вильямс, 1998], а также отдельные записки и воспоминания очевидцев событий позволяют сегодня иначе взглянуть на ситуацию, сложившуюся в университетах и вокруг студенчества, более детально осветить развитие политических убеждений различных групп внутри студенчества, оценить влияние отдельных политических сил на молодежь.

Несмотря на ужесточение правил пребывания в университете, отразившееся в Университетском уставе 1885 года, в предреволюционные годы происходил процесс политической дифференциации студенчества. Со второй половины XIX века многие выпускники, обучавшиеся в это время, вспоминают, что студенчество не было ни однородным, ни сплоченным, как в 40–60-е годы XIX века.

На протяжении второй половины XIX столетия происходят постоянные студенческие беспорядки. Эскалация радикальных настроений приходится на период начала XX века. В это время в студенческой среде наблюдается не только высокая политизированность, но политическая дифференциация, которую отмечают многие авторы воспоминаний. В 90-е годы XIX века было принято безусловно принадлежать к какой-либо партии, несмотря на отсутствие их легальной деятельности, и открыто говорить об этом. Политическая дифференциация студентов предшествовала политическому разделению российского общества в целом. В. В. Курбский, считавший себя убежденным консерватором и бывший абсолютно аполитичен, вспоминает, что студенты приветствовали друг друга вопросом:

« — ...к какой вы принадлежите партии?

<...>.

В самом деле, к какой...? <...>.

— Я индивидуалист.

<...>.

— Я эс-эрка...».

Автора возмущает такая категоричность. Однако это правило было общим [Курбский, 1912, с. 96].

Для учащейся молодежи к концу XIX века традиционной стала активная гражданская позиция, что делало студенчество привлекательным для пропаганды подпольных политических партий: в 80-е годы большое влияние в студенческой среде имели народники. Это привело к тому, что многие студенческие волнения приобрели политический окрас, поскольку зачастую лидерами и зачинщиками выступлений становились радикальные студенты. Марксисты также обращали внимание на активную позицию молодежи, В. И. Ленин писал, что до середины 90-х годов XIX века «бунтовали одни студенты». Внимание марксистов к студенчеству привело к быстрому распространению в его среде нового учения: в университетах появляются кружки «самообразования» марксистского толка [Иванова, 1984]. К концу XIX века в университетах

образовалось и крайне консервативное крыло студенчества. Также оставалась и та часть молодежи, которая считала себя аполитичной. Численный состав различных политических группировок внутри университетов подсчитать невозможно, кроме того, сложно проследить динамику политических взглядов в разные годы. На практике было сложно разделить молодежь на активно участвовавшую в выступлениях, поддерживавшую своих товарищей из соображений корпоративной культуры, и аполитичных. «Грань между революционерами и “сочувствующими” была зыбкой и определялась часто личными мотивами, темпераментом, а не различиями в мировоззрении». Парадокс высокой активности молодежи состоял и в том, что «студентам... революционная деятельность представлялась не только допустимой, но и высшей степени похвальной, “подвигом”, “служением народу”» [Ансберг, 1990, с. 66]. Однако исследователи и очевидцы событий начала XX века сходятся во мнении, что влияние радикального крыла студенчества к 1905 году заметно возрастает. «Время тогда было беспокойное, университеты представляли из себя не столько рассадники науки, сколько боевые лагеря. Студенты... прощаясь с родными, не знали, увидятся они, или нет» [Курбский, 1912, с. 47].

Радикализация молодежи не осталась незамеченной органами власти: вторая половина XIX века в целом — период ужесточения надзора за учащимися высшей школы. Интерес представляет в этой связи доклад по поводу студенческих беспорядков 1899 года министра народного просвещения В. П. Ванновского. Это довольно подробный отчет, в котором министр стремится доказать, что студенческие беспорядки немногочисленны и носят характер традиционных выступлений, которые происходили и ранее. Он пишет: «...день годовщины открытия и торжественного акта в Императорском Санкт-петербургском университете, с давних пор сопровождается более или менее значительными уличными беспорядками, вызывающими вмешательство полиции. Это явление... известно в учебных заведениях Европы» [Ванновский, 1907, с. 1–2]. В 1899 году в них «принимала участие сравнительно небольшая группа студентов», убеждает министр. Наибольшее число студентов участвовало в беспорядках в 1898 году, когда выступило около 700 человек, что составляло по отношению к общему числу студентов университета (3 788 человек) всего 18 % [Там же]. Министр также указывает, что при умелом действии администрации беспорядки быстро прекращаются. По его мнению, большую роль в разжигании недовольства студентов, выражающегося в прямом неподчинении и срыве занятий, играют действия полиции, которая своими чрезмерно жестокими мерами раздражает как молодежь, так и преподавателей, традиционно занимавших сторону студентов. Рассказывая профессору об избивании нагайками, один студент «разрыдался, а с некоторыми студентами сделалась истерика» [Там же, с. 21–22].

Иначе тот же период столкновений студентов с властями выглядел в глазах студентов. Обстановку 1897–1899 годов описывал в своих мемуарах общественный деятель, консерватор А. Ф. Керенский: «В 1897 году студентка Вера Ветрова, заключенная в Петропавловскую крепость, подвергла себя самосожжению, облив одежду керосином из лампы. Студенчество было потрясено. Волнения прокатились по всем университетам страны. Полиция разогнала огромную толпу, собравшуюся у Казанского собора в Санкт-Петербурге, где должна была состояться заупокойная служба по Ветровой. <...> Собравшиеся на Румянцевской площади демонстранты подверглись нападению конной полиции, многие были зверски избиты». Министерством народного просвещения было принято решение «...немедленно призвать в армию всех студентов, замешанных в беспорядках... сосланные в Сибирь студенты в знак протеста против действий властей выступили с открытым письмом, в котором подчеркнули, что важнейшая цель студенческого движения — пробуждение политической активности старшего поколения, с тем чтобы и оно встало на путь борьбы за свободы по английскому образцу» [Керенский, 1993, с. 12]. Политические призывы, характерные для отдельных студенческих выступлений, прокламаций и писем становились объектом пристального внимания властей, а писавшие их жестоко наказывались.

Пытаясь смягчить ситуацию, В. П. Ванновский предлагал упразднить сформировавшуюся в 80-е годы систему строго контроля за студентами, намекал на традиционно сложившуюся и уничтоженную к концу XIX века автономию университетов. Сторонник мягких мер и уступок студентам, он находился в кресле министра всего два года. Доклад В. П. Ванновского и многие воспоминания, а также ряд документов свидетельствуют о возраставшем к началу XX века конфликте между студентами и полицией. В этом конфликте университетская администрация всегда вставала на сторону студентов, демонстрируя таким образом несогласие с политикой ужесточения университетских порядков. В то же время такая поддержка позволяла молодежи действовать активнее.

Публицисты в конце XIX века забили тревогу о сложившейся ситуации. Очевидный рост политических выступлений студентов требовал анализа его причин. Публицистам они виделись в незрелости и возрастных особенностях студентов. «Своеобразен первокурсник и во время студенческого движения, — пишет П. Иванов. — Когда в университете появляются прокламации... первокурсника охватывает священный трепет». Однако для него важна не политическая программа, а сам факт участия в сходке или демонстрации, поэтому публицист резюмирует: «Первокурсников мы должны отнести к отрицательным элементам студенческих движений», поскольку они «могут аплодировать подряд двум, совершенно противоположным по смыслу, речам» [Иванов, 1918, с. 34].

Сами студенты с теплотой и волнением вспоминают студенческие годы переломного для России периода. Для многих обучение в университете ассоциировалось не столько с обучением, сколько с политической деятельностью. Тогда «не было у меня спокойного часа», писал художник В. В. Кандинский, т. к. «это было время создания общестуденческой организации, целью которой было объединение студенчества не только одного университета, но и всех русских, а в конечной цели и западноевропейских университетов. Борьба студентов с коварным и откровенным уставом 1885 года продолжалась непрерывно. “Беспорядки”, насилия над старыми московскими традициями свободы, уничтожение уже созданных организаций властями, замена их новыми, подземный грохот политических движений, развитие инициативы в студенчестве непрерывно приносили новые переживания...» [Кандинский, 2003, с. 24–25]. Молодежь искала в университетах не только интеллектуальной работы, но и активной общественной жизни.

Студентам было недостаточно официальной научной деятельности, которая перестала соответствовать запросам молодежи начала XX века. «...Поступая в 1904 г. на историко-филологический факультет Московского университета, я не обольщался иллюзией, что он целиком ответит на мои запросы... — вспоминал историк М. Н. Дружинин. — Московский университет продолжал жить на основе реакционного устава 1884 г. <...> В аудиториях... царила достаточно затхлая атмосфера» [Московский университет ... , 1989, с. 601–602]. Такая обстановка приводила молодых людей к поиску альтернативной информации, облегчала пропаганду со стороны радикальных политических партий среди молодежи.

Современные исследователи подчеркивают высокий уровень радикализации молодежи, указывают, что «студенческая среда поставляла в этот период подавляющее большинство деятелей революционного движения. ... широкие круги молодежи... оказывали им поддержку и помощь — хранили и распространяли литературу, собирали средства, помогали скрываться нелегальным и пр.» [Ансберг, 1990, с. 33]. В конце XIX века «студенческая среда превращалась в основного поставщика революционных кадров» [Эймонтова, 1993, с. 239]. Студенты охотно сотрудничали с политическими партиями, вели агитацию: «Я выступал с речами в заводских цехах, на “Пешке”, куда стекались наиболее обделенные и отсталые прослойки трудящихся, — пишет Н. М. Дружинин. — Здесь возобновилась моя партийная работа сначала в роли агитатора Рогожского района, позднее — в качестве общегородского организатора» [Московский университет ... , 1989, с. 601]. Активную гражданскую позицию и уважение к революционерам закладывали не только в студенческой среде, но и в России общественные деятели, на протяжении всего XIX века говорившие о долге перед отечеством и народом, отдать который можно только путем борьбы с самодержавием. Это привело к тому, что лозунг «Долой самодержавие!» к началу XX века стал повсеместным.

В Татьянин день, традиционный студенческий праздник, «впервые был выкрикнут лозунг “Долой самодержавие”, впервые он прозвучал среди студенчества», — пишет известный публицист В. В. Гиляровский [Гиляровский, 1931, с. 30–32]. «В ресторане “Эрмитаж”, который в этот день предоставлял его хозяин для студенческих гуляний, шло бурное веселье. Выступали ораторы-профессора, любимые студентами, и тут же просит слова “косматый студент в красной рубахе”. Под впечатлением профессорских выступлений ему сначала не дают говорить, но он кричит “Долой самодержавие!”, что вызывает бурный восторг толпы, зал гремит от нового лозунга». Всю ночь на улицах кричали этот лозунг студенты. «Этот лозунг объединил все партии» [Там же, с. 41]. «Это был общий лозунг. Его передавали другу, как пароль, сначала шепотом, вполголоса. Потом все громче, громче» [Тыркова-Вильямс, 1998, с. 245], — вспоминают очевидцы событий начала XX века. Каждый праздник, памятная дата и прочие события студенческой жизни в конце XIX — начале XX века сопровождалась сходкой. Курбский вспоминает, как в «мертвецкой» собирались вечером, даже не пьющий должен был выпить хоть один стакан пива. «На руках туда был принесен старый почтенный преподаватель, который с кружкой пива в руке произнес речь» [Курбский, 1912, с. 43].

Митинговали студенты по разным поводам. В период Русско-японской войны эти протесты приобрели новый окрас и стали носить антивоенный характер. «Еще в начале осени... состоялся

митинг протеста против избияния студентов на политической демонстрации при проходах мобилизованных новобранцев. ...студенты высыпали на улицу, быстро смастерили красное знамя и плакат с надписью “Долой войну!” и с пением революционных песен двинулись по Никитской и Малой Бронной в направлении рабочих кварталов. Импровизированная демонстрация была разогнана отрядом городских и дворников, но подобные избияния только подливали масло в разгорающийся огонь...» [Московский университет ... , 1989, с. 603].

Студенты активно пользовались университетскими аудиториями в протестных целях: «...усиливалось и политическое возбуждение передового студенчества. Медицинский факультет, особенно чайная Анатомического театра, стали центром притяжения революционных элементов. Созывались межфакультетские собрания, вспыхивали стихийные сходки и уличные демонстрации» [Московский университет ... , 1989, с. 602]. Такая практика приводила к закрытию университетов на время сильных волнений. Сплочению молодежи в начале XX века способствовало проживание студентов в появившихся в этот период общежитиях. Ляпинское общежитие в Москве подробно описано у публицистов и в воспоминаниях, для всех была очевидна высокая политизированность местных студентов. «Столовая являлась одновременно клубом: здесь произносили речи, пели песни, читали газеты. Революционные прокламации “первыми попадали в Ляпинку и читались открыто”, внутри общежития происходили сходки. Ляпинцы нередко стояли во главе студенческих движений, но такие вылазки для студентов были скорее “развлечениями”» [Гиляровский, 1931, с. 126].

А. Ф. Керенский вспоминает, как трудно было в начале XX века удержаться от участия в политических событиях. В годы обучения в Московском университете он произнес свою первую политическую речь: «До сих пор не могу понять, что толкнуло меня к этому выступлению, ведь я не принадлежал ни к какой партии. Тем не менее в своей глубоко прочувствованной речи я призвал студентов помочь народу в его освободительной борьбе. Меня встретили шумными аплодисментами». За выступлением последовало наказание — высылка из университета, таким образом молодой человек получил статус «пострадавшего». «Я выглядел героем и буквально млеял от... восторгов» [Керенский, 1993, с. 13]. К пострадавшим и революционерам студенты относились более чем сочувственно, ради такого статуса стоило рисковать.

Консервативные студенты, аполитичная молодежь были также вовлечены в борьбу, но с другой стороны. Они всячески боролись со своими радикальными товарищами. «За годы студенчества я оказался прикосновенен, насколько помню, лишь к одному замешательству, — вспоминает М. В. Сабашников. — Состоялась сходка в химической аудитории. Полиция оцепила здание университета. Она студентов выпустила, но переписала тех, кто выходил последними, очевидно считая их наиболее упорными. Некоторые были затем исключены, другие отделались выговором правления... Большинство моих однокурсников ни в общественной, ни в политической борьбе не участвовали» [Московский университет ... , 1989, с. 580]. Те, кто не одобрял выступлений или не придавал им значения, указывали, что в «студенческих историях» самая активная роль выпадала на долю младших курсов. В волнениях участвовали историки, филологи. Математический и медицинский факультеты долго оставались в стороне от волнений и беспорядков, «продолжая систематически и спокойно посещать лекции» [Гессен, 1932, с. 92]. Такая обстановка раскалывала студенчество, создавая напряженную атмосферу в вузах.

Особым явлением жизни студенческой молодежи конца XIX — начала XX века было появление «кумиров». Молодые лекторы, ораторы из числа студентов и преподавателей «овладевали умами сотен и тысяч студентов». Грань между наукой и политикой стиралась. Например, большим влиянием на студентов обладал ученый и политик М. И. Туган-Барановский, читавший лекции. Он был знаком с В. И. Лениным, П. Б. Струве [Смирнов, 1995, с. 68], что придавало ему вес в глазах радикальной молодежи.

Студенты активно участвовали в обсуждении и защите диссертаций таких оппозиционных преподавателей. «Один диспут, имевший громадное общественно-политическое значение, был связан с защитой диссертации М. И. Туган-Барановского, — вспоминает М. И. Пичета. — Докторская диссертация... была написана на боевую тему: “Русские фабрики в прошлом и настоящем”. Сама книга становилась тем интереснее, что автор в то время причислял себя к марксистам. Перед диспутом книга Туган-Барановского была мною основательно проштудирована» [Московский университет ... , 1989, с. 592]. Интересно, что будущий физик не причислял себя при этом к радикалам, он готовился стать ученым. Тем не менее он подробно описал защиту. Диспут собрал огромное количество студентов и продолжался более четырех часов. В 1899 году молодой ученый был уволен за политическую неблагонадежность. «Диспуты собирали очень много публики. Это было очень

любопытно, тем более что после революции 1905 г. на диспутах, кроме студентов и профессоров и небольшой группы знакомых, посторонних лиц почти не бывало. <...> На диспутах искали живого слова, живой мысли, ибо где-нибудь в другом месте их нельзя было высказать» [Там же, с. 593].

Интерес представляют подробные описания студенческих сходок и беспорядков, в которых оказывались замешаны и те студенты, которые поступили в университеты исключительно ради учебы. Консервативное крыло студенчества оставалось верным себе даже спустя многие годы после описываемых событий. Крупный чиновник В. М. Юзефович вспоминает о кумирах молодежи с иронией, в своих мемуарах иллюстрирует примерами абсурдность и бесцельность деятельности студенческих ораторов. Автор довольно подробно описывает одну из студенческих сходок. Призывы «бунтарей» митинговать встречались недовольством тех, кто хотел учиться. Однако митингующих собралось человек шестьдесят, а «в лектории в это время сидело несколько человек, погруженных в чтение». Вторжение толпы вызвало у них досаду, толпа выбрала председателя, начались прения. Но «настроение большинства было так нерешительно, ...предложений явилось так много, что нечего было и думать о каком-нибудь единодушном решении». Когда пришедший на шум ректор университета решил прекратить сходку и попросил студентов разойтись, большинство последовало его совету, однако на следующий день студенты снова собирались, шумели и обсуждали [Юзефович, 1898, с. 9]. Волнения грозили закрытием университета, что вызывало недовольство так называемых «академистов» — студентов, которые выступали исключительно за учебу и против любой политики.

Несогласные с беспорядками студенты старших курсов нередко высказывались в таких случаях за продолжение занятий, но сходки и митинги возобновлялись, все вопросы ставились на голосование, по ходу прений и выступлений решалось множество частных вопросов. В. Курбский вспоминает, что студенты по своим политическим убеждениям делились примерно поровну, по результатам голосования на всеобщей студенческой сходке, где выступали два оратора, голоса разделились так: 545 за левого, 541 — за правого [Курбский, 1912, с. 128]. При этом большинство считало, что занятия в университете возобновлять не нужно.

В начале XX века студенчество стало активной частью революционного движения. Раскол в молодежной среде, дифференциация по основным политическим направлениям происходили в силу различных причин: это и традиционно активная гражданская позиция, характерная для студентов как в силу особенностей общественно-политической обстановки начала XX века, так и в силу возрастных особенностей, и разочарование в официальной науке, становившейся все более аполитичной, и пропаганда политических партий, и даже воля случая, втягивавшего отдельных студентов в водоворот крупных политических событий помимо их воли.

Список источников

1. Ансберг О. Н. К истории восприятия творчества Ф. М. Достоевского студенческой молодежью 1880-х гг. (Письма слушательницы ВЖК О. Н. Лениной Н. К. Михайловскому) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. : сб. науч. тр. — Вып. 5. — Л., 1990. — С. 33–40.
2. Ванновский П. С. Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г. — СПб. : Самокат, 1907. — 43 с.
3. Гессен С. Студенческое движение в начале 60-х годов. — М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. — 143 с.
4. Гиляровский В. Записки москвича. — М. : Федерация, 1931. — 237 с.
5. Гусятников П. С. Революционное студенческое движение России 1899–1907 гг. — М. : Мысль, 1971. — 264 с.
6. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX — начала XX вв.: социально-историческая судьба. — М. : РОССПЭН, 1999. — 414 с.
7. Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. — М. : [Б. и.], 1918. — 295 с.
8. Иванова И. В. Революционное движение студенчества в России и Министерство народного просвещения (1914–1917 гг.) // Революционное движение демократической интеллигенции в России в период империализма : сб. науч. тр. — М. : МГЗПИ, 1984.
9. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. — СПб. : Азбука, 2003. — 236 с.
10. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары / пер. с англ. — М. : Республика, 1993. — 383 с.
11. Курбский В. Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). — М., 1912. — 203 с.
12. Московский университет в воспоминаниях современников : сб. / сост. Ю. Н. Емельянов. — М. : Современник, 1989. — 734 с.

13. Пайпс Р. Россия при старом режиме. — URL : <http://lib.ru/HISTORY/PAJPS/oldrussia.txt> (дата обращения: 02.02.2021).
14. Пешников В. В. В. И. Ленин и студенческое движение России : учеб. пособие. — М. : Высшая школа, 1973. — 102 с.
15. Революционное движение 1860-х гг. : сб. / под ред. Б. П. Козьмина. — М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. — 259 с.
16. Смирнов И. П. «От марксизма к идеализму»: М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. — М. : Русское книгоиздательское т-во, 1995. — 285 с.
17. Ткаченко П. С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX века. — М. : Мысль, 1978. — 245 с.
18. Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет / предисл., коммент. В. В. Шелохаева. — М. : Слово, 1998. — 560 с.
19. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX в. — М. : Наука, 1993. — 270 с.
20. Юзефович В. М. Тридцать лет тому назад. Очерк из студенческой жизни. — Киев : Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1898. — 76 с.

References

1. Ansberg O. N. Students' Ideas about F. M. Dostoyevsky's Works in the 1880s. (Letters of O. N. Lenina, a Student, to N. K. Mikhaylovsky). *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka* [Books in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Leningrad, 1990, iss. 5, pp. 33–40. (In Russian).
2. Vannovskij P. S. *Doklad Vannovskogo po povodu studencheskih besporjadkov 1899* [Vannovsky's Report on Student Unrest in 1899]. St. Petersburg, Scooter Publ., 1907, 43 p. (In Russian).
3. Gessen S. *Studencheskoe dvizhenie v nachale 60-h godov* [The Student Movement in the 1860s]. Moscow, All-Union Society of Political Prisoners and State Convicts Publ., 1932, 143 p. (In Russian).
4. Giljarovskij V. *Zapiski moskvicha* [Memoirs of a Muscovite]. Moscow, Federation Publ., 1931, 237 p. (In Russian).
5. Gusjatnikov P. S. *Revoljucionnoe studencheskoe dvizhenie Rossii 1899–1907 gody* [The Revolutionary Student Movement in Russia in 1899–1907]. Moscow, Thought Publ., 1971, 264 p. (In Russian).
6. Ivanov A. E. *Studenchestvo Rossii konca XIX — nachala HH vekov: social'no-istoricheskaja sud'ba* [Students in Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries: Social and Historical Aspects]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 1999, 414 p. (In Russian).
7. Ivanov P. *Studenty v Moskve. Byt. Nrav. Tipy* [Students in Moscow. Life. Traditions. Types]. Moscow, 1918, 295 p. (In Russian).
8. Ivanova I. V. The Revolutionary Student Movement in Russia and the Ministry of Public Enlightenment (1914–1917). *Revoljucionnoe dvizhenie demokraticheskoj intelligencii v Rossii v period imperializma* [The Revolutionary Movement of the Democratic Intelligentsia in Imperial Russia]. Moscow, MGZPI Publ., 1984. (In Russian).
9. Kandinskij V. *Tochka i linija na ploskosti* [A Line and a Dot on a Surface]. St. Petersburg, ABC Publ., 2003, 236 p. (In Russian).
10. Kerenskij A. F. *Rossia na istoricheskom povorote : memuary* [Russia at the Turn of History: Memoirs]. Moscow, Republic Publ., 1993, 383 p. (In Russian).
11. Kurbskij V. *Ocherki studencheskoj zhizni (iz dnevnika byvshego studenta)* [Sketches of Students' Life: Memoirs of a Former Student]. Moscow, 1912, 203 p. (In Russian).
12. Emel'janov Ju. N. (comp.). *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov* [Moscow University in Contemporary Memoirs]. Moscow, Contemporary Publ., 1989, 734 p. (In Russian).
13. Pajps R. *Rossia pri starom rezhime* [Russia and the Old Regime]. Available at : <http://lib.ru/HISTORY/PAJPS/oldrussia.txt> (accessed 02.02.2021). (In Russian).
14. Peshnikov V. V. *V. I. Lenin i studencheskoe dvizhenie Rossii* [V. I. Lenin and the Student Movement]. Moscow, Higher School Publ., 1973, 102 p. (In Russian).
15. Koz'min B. P. (ed.). *Revoljucionnoe dvizhenie 1860-h godov* [The Revolutionary Movement of the 1860s]. Moscow, All-Union Society of Political Prisoners and State Convicts Publ., 1932, 259 p. (In Russian).
16. Smirnov I. P. "От марксизма к идеализму": М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев [From Marxism to Idealism: M. I. Tugan-Baranovskij, S. N. Bulgakov, N. A. Berdjaev]. Moscow, Russian Publishers Publ., 1995, 285 p. (In Russian).
17. Tkachenko P. S. *Uchashajasja molodezh' v revoljucionnom dvizhenii 60–70-h godov XIX veka* [Students and the Revolutionary Movement of the 1860s–1870s]. Moscow, Thought Publ., 1978, 245 p. (In Russian).
18. Tyrkova-Vil'jams A. V. *Vospominanija. To, chego bol'she ne budet* [Memoirs. It will Never Happen Again]. Moscow, Word Publ., 1998, 560 p. (In Russian).
19. Jejmontova R. G. *Russkie universiteti na putjah reformy: shestidesjatyje gody XIX veka* [Russian Universities and Reforms: the 1860s]. Moscow, Science Publ., 1993, 270 p. (In Russian).

20. Juzefovich V. M. *Tridcat' let tomu nazad. Ocherk iz studencheskoj zhizni* [Thirty Years Ago. Sketches of Students' Life]. Kiev, G. L. Fronckevich Publ., 1898, 76 p. (In Russian).

Информация об авторе

Юркина Наталия Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: социальная история и история культуры России XIX–XX веков, музейное дело, краеведение, методика преподавания истории.

Information about the author

Yurkina Natalia Nikolayevna — Candidate of History, Associate Professor in the Department of Russian History at the Institute of History and Politics of Moscow State Pedagogical University.

Research interests: social history and history of Russian culture of the 19th — 20th centuries, museums, local studies, history teaching methodology.

Статья поступила в редакцию 05.04.2021; одобрена после рецензирования 23.06.2021; принята к публикации 17.11.2021.

The article was submitted 05.04.2021; approved after reviewing 23.06.2021; accepted for publication 17.11.2021.